
Орал АРУКЕНОВА

ПАЛОМНИКИ

Повесть

...Силой любви хочу возвыситься...

Ходжа Ахмед Яссауи. Диван-и-хикмет

Зауре наблюдала за беркутом, парящим высоко в небе, приближая и отдаляя птицу по своему желанию, словно управляла пультом. Хищник, казалось, чувствовал приближение человека и каждый раз отзывался тревожным покачиванием головы и заметным напряжением крыльев. Девушка продолжала рассматривать беркута, пока тот не взметнулся вверх, издавая звук, напоминающий лай собаки. Земное притяжение неожиданно отпустило Зауре, ощутив приятную легкость, она всем телом подалась вслед за птицей. Девушка парила несколько мгновений в воздухе, отдавшись потоку и позабыв о своей цели, а когда увидела огромную птицу вблизи, ее резко качнуло. Открыв глаза, Зауре едва успела ухватиться за спинку переднего кресла, чтобы не свалиться на пол.

— Испугались? — водитель микроавтобуса смотрел на пассажиров с хитрой улыбкой.

Зауре глянула на часы. Она проспала целых два часа на неудобном дырявом кресле, в разгар июльской жары, в дребезжащем микроавтобусе без кондиционера. Оглядевшись, девушка поняла, что и остальные пассажиры тоже проснулись.

— Да, красивый беркут, — сказал кто-то сзади.

— Огромный какой!

— Размах крыльев — метра два.

— Какой беркут? — Зауре повернулась к парням, сидящим позади нее.

— Да вот пролетел сейчас, я даже успел сфотографировать. Смотрите.

На экране фотоаппарата красовалась птица из ее сна.

Последние несколько лет Зауре часто слышала о чудесах, происходящих во время поездки в Туркестан. Чаще всего друзья и знакомые рассказывали об алкашах и наркоманах, которые начинали меняться уже во время поездки, а вернувшись, вовсе избавлялись от пагубных привычек и укреплялись в вере. Все мужчины из таких рассказов становились успешными бизнесменами. Незамужние женщины, как правило, удачно выходили замуж, а бездетные рожали желанного малыша. «Почему бы кому-нибудь

Орал Арукенова — прозаик, поэт, литературовед, переводчик. Пишет на казахском и русском языках. Родилась в селе Акадыр Карагандинской области. Окончила Институт иностранных языков (Алматы, Казахстан), школу менеджмента в Гамбурге (Германия). В настоящее время — научный сотрудник Института литературы и искусства им. Ауезова (Алматы, Казахстан), обучается в докторантуре. Произведения публиковались в альманахе «Literga NOVA», на Казахстанском литературном портале «Әдебиет», в журналах «Эсквайр», «Тамыр», «Простор», «Нева» (Россия), «Za-Za Verlag» (Германия), «Brooklyn Rail» (США). Проза и стихи переведены на немецкий и английский языки. Живет в Алматы.

из них не стать поэтом или художником, заняться интересным ремеслом, в конце концов, почему все так предсказуемо?» — размышляла Зауре и вспоминала строчки из песни: «...умному дай голову, трусливому дай коня, дай счастливому денег... и не забудь про меня...»

«Не забудь про меня... только бы определиться, чего я хочу». Жизнь проходит мимо, движется сама по себе поступью модели. Стоит сделать шаг, как нижняя часть тела совершает движение в сторону, еще один шаг и еще, и плывут бедра влево-вправо-влево-вправо и несут за собой верхнюю часть тела. «Надо двигаться вперед», — говорит Майя. «Ищи выгоду неудач в подсознании, — настаивает Алия, — если нет четкой цели, визуализируй деньги». «Плюнь на все и будь эгоисткой», — советует Ольга. «Не желай несбыточного счастья, — твердит Рита, — были бы деньги». «...Money-money-money-money...» — всплывает в памяти Лайза Минелли на сцене кабаре: наивная, несуразная и такая обаятельная.

Душные залы фитнес-клубов, химические бассейны, животные корпоративы и как бонус — шопинг, от которого уже ломятся шкафы. Все, что десять лет назад казалось таким манящим и прекрасным в окруженном горами мегаполисе, незаметно стало частью жизни, но вместо удовлетворения принесло с собой все возрастающее раздражение и недовольство собой. Появились болячки с пугающими названиями: протрузия, энцефалопатия, а теперь и аллергия, причем на полынь — родной и любимый запах детства. Диагноз из очередного тренинга: «Аллергия — это нелюбовь к себе» — стал для Зауре катализатором поиска мистических «инсайтов». В то время как психоанализ масок и ролей выявил длинный список насущных «проработок и целей», случилось чудесное разрешение ситуации.

После трех лет отношений без обязательств бойфренд неожиданно сделал предложение: пригласил в модный ресторан, положил на стол красную бархатную коробочку и продолжил трапезу. Она же достала из коробочки кольцо и, играя на публику, с киношным восторгом надела его на безымянный палец вместе со спасительной установкой «я подумаю об этом завтра».

Поскольку «завтра» наступило слишком быстро, путешествие в Туркестан стало для Зауре спасением. Когда Майя скинула информацию по экскурсионным турам, Зауре не только поддержала ее, но и уговорила еще одну подругу присоединиться к ним. Третья подруга, Алия, решила взять в поездку своего тринадцатилетнего сына Мади. Мысли о путешествии, ностальгия по приключениям студенческой поры так захватили подруг, что они купили путевки в первом попавшемся турагентстве и выехали в дорогу.

— Чем сложнее путь паломника, тем больше пользы для души, раньше люди пешком в Мекку ходили, — убеждала Майя.

Перед поездкой Зауре сняла с безымянного пальца кольцо с бриллиантом и положила обратно в коробку. Затем отправила в спам номер телефона со сплошными сермерками и облегченно выдохнула.

* * *

— Дверь не закрывается, поэтому приложите вон ту красную тряпку к раме и, придерживая ее, захлопните посильнее дверцу! — сказал водитель, когда пассажиры неохотно расположились на неудобных сиденьях. Зауре в точности исполнила все действия, и дверь действительно закрылась.

— Молодец! Как тебя зовут, красавица? — спросил водитель.

Девушка посмотрела на него с недоверием и молча села на свое место.

— Кстати, меня зовут Беркут, — представился он и широко улыбнулся.

— Птица, — сказала вполголоса Зауре.
— Хищник, — подмигнула сидящая напротив Алия.
— Ничему не удивляйтесь во время путешествия, — сказал Беркут, подъезжая к горному серпантину. — Сейчас будет перевал, там обычно подсаживается маленькая девочка. Она разбилась в автокатастрофе несколько лет назад, но ее дух все еще витает между двух миров. Девочка зайдет, поиграет немного и выйдет, не обращайтесь внимания. Иногда она садится на колени, — сказал он с нарочито серьезным видом.

Пассажиры напряглись, хотя и сделали вид, что не верят, и молчали, пока микроавтобус не обогнул перевал. Зауре снова уплывала в сон, Беркут пел под звуки домбры. Она встрепенулась и спросила сидящую рядом подругу:

- Майя, ты слышишь домбру?
- Слышу.
- Беркут, у вас радио или магнитофон?
- Я и радио, и магнитофон... Что вам спеть, сыграть, продекламировать?

Сначала Зауре прислушивалась, чтобы понять, откуда доносятся звуки, или это музыка ветра так приятно убаюкивает, а потом незаметно привыкла к фону, который сопровождал группу в течение всей поездки. В один из дней, засыпая в автобусе, Зауре увидела в полудреме силуэт женщины с домброй, а проснувшись, вспомнила старинную легенду о струнном музыкальном инструменте. Кобыз, благословенный духом Коркыта, издает звуки в обоих мирах, рассказывала мама. Может, и домбра обладает такой же магией?

Ближе к вечеру автобус выехал на оживленную трассу.

- Когда мы планируем приехать в Туркестан? — спросила Алия.
- На все воля Всевышнего, — ответил Беркут.
- Папандос! — возмутился Мади. — Mam, зачем ты повезла меня с собой в эту глухомань?
- Спокойно, все будет хорошо, — ответила Алия, — Беркут, просто скажите, куда мы сейчас едем и когда привал?

Не успел водитель и слова сказать, как в разговор вступила пожилая женщина, сидящая на переднем кресле:

- Находясь в пути, нельзя строить планы, он прав, — сказала старуха.
- Золотые слова, — подтвердил Беркут.
- Сынок, давай заедем в Карагай, это по дороге, там и заночевать можно, — предложила женщина.

Беркут улыбнулся и кивнул в ответ.

Когда автобус подъезжал к аулу, в вечернем сумраке ярче всех выделялся один дом. Свет горел во всех окнах, двор освещался несколькими прожекторами. Перед домом горел очаг, на котором дымился большой казан.

- Похоже на похороны, — сказал Беркут.
- А может, свадьба? — предположили Зауре с Алией в один голос.
- Родной мой Мустафа, моя опора! — запричитала старуха. — Я знала, с ним что-то случилось!

Майя успокаивала ее:

- Не думайте о плохом, Рауза-апай! Мы ведь еще ничего не знаем.

Около дома послышались громкие вопли женщин, оплакивающих Мустафу-ата.

По количеству угощений похороны у казахов ничем не отличаются от свадеб. Зауре знала это по собственному опыту. Во время прощания с отцом они с родственни-

ками только и успевали готовить и кормить вновь и вновь прибывающих родственников, и соседей в течение трех дней и ночей, вплоть до похорон, это в некоторой степени отвлекало и помогало справиться с болью потери.

За дастарханом соседи рассказывали, что Мустафа-ата предчувствовал свой уход, хотя и не болел. Он даже навестил всех родственников незадолго до ухода. Зимой ему исполнилось девяносто три, он многое успел сделать: вырастить шестерых детей, женить сыновей, выдать замуж дочерей, стал дедом многочисленных внуков и правнуков. По рассказам, аксакал пережил революцию, два голодомора, смену двух алфавитов, участвовал в войне с фашистской Германией, похоронил свою жену и до конца жизни оставался бодрым и деятельным человеком. Ушел он легко: прилег после обеда отдохнуть в своем доме, в окружении родных и близких, да так и не проснулся.

СКАЛА СОРОКА АНГЕЛОВ

Группа продолжила свой путь на следующее утро без Раузы-апай. Когда рассаживались в автобусе, к водителю подошел парень и попросил подбросить до Туркестана.

— Брат, места есть, только мы идем в Казыгурт, — объяснил ему Беркут.

Но парень, похоже, не слышал, что ему говорят, или слышать не хотел. Он продолжал твердить:

— Можно мне с вами? Я скоро женюсь. Сам Железный хромец перед свадьбой совершил паломничество на могилу Ходжи Ахмеда.

* * *

Сакен влюбился в детском саду. Айсулу звонко смеялась и вертела тоненькими кошечками, а веснушки на ее лице плясали, как солнечные зайчики. Она приносила в садик игрушки и раздавала их. Однажды Айсулу принесла Сакену трансформер его мечты. Сакен играл с ним все утро, а на тихий час взял с собой в кровать. Вечером он хотел вернуть игрушку, но Айсулу сказала, что подарки не возвращают. Это был самый дорогой подарок его детства. Потом Айсулу уехала с родителями в город и вернулась уже в выпускном классе. Сакен сразу узнал девушку, как только та вошла в класс. Сердце его забило так часто и громко, что он чуть не задохнулся. Сакен смотрел на нее украдкой весь день и густо краснел, когда их взгляды встречались. Слушая учителей, она широко раскрывала глаза и трепетно раздувала розовые, почти прозрачные ноздри — как новорожденный жеребенок, который только научился стоять на ногах. Сакен посвящал Айсулу стихи, писал письма, но ни одно из них так и не осмелился передать.

Она заговорила с ним сама, попросила помочь с алгеброй. Он стал приходить к ней домой заниматься несколько раз в неделю. Айсулу жила с бабушкой, родители ее работали за границей. Қамаш-эже, бабушка Айсулу, грузная, шумная женщина, плавно двигалась и издавала звуки-всплески. Охала, ахала, иногда пела. Она шутливо комментировала происходящее вокруг и давала всем прозвища. Айсулу она называла Құлыншақ — жеребеночком, а Сакену за серьезный вид и гордую осанку сразу дала прозвище Оқымысты — настоящий ученый.

Как-то вечером Сакен шел домой после занятий с Айсулу, светясь от счастья и ничего вокруг не замечая, как споткнулся об камень и упал в чьи-то ноги в грязных калошах. Парень поднял глаза и вскрикнул от неожиданности. Над ним возвышалась мыстан кемпір — ведьма. Так называли в ауле одинокую старуху, которая жила на окраине, у подножия холма. Вся в лохмотьях, седые космы, торчащие из-под выцветшего платка, напоминали корону из змей. Ее разноцветные глаза будто выжигали в Сакене дыры.

— Испугался, шенок! — процедила ведьма, обдавая его отвратительной вонью гнилых зубов. — Она тебе не пара! — крикнула старуха и громко рассмеялась, запрокидывая голову и тряся своей змеиной шевелюрой.

Сакен встал, отряхнулся, набравшись духу, посмотрел ей прямо в глаза и прокричал: — Тьфу на тебя! Уходи, ведьма! Я не боюсь тебя!

Старуха расхохоталась с новой силой, звонко хлопнула себя по бедру и прокаркала сквозь смех:

— Ты придешь ко мне, придешь как миленький! Когда захочешь ее приворожить! — она резко замолчала и зло посмотрела в сторону дома Айсулу. — Я живу вон под тем курганом, на могиле кровожадного джунгара, — старуха снова рассмеялась — заколыхалась всем телом.

После окончания школы Айсулу уехала учиться в Европу, к родителям, а Сакен поступил в институт в Караганде. Они переписывались весь учебный год, и Сакен твердо решил признаться ей в любви на каникулах, когда они встретятся в ауле. Но приехав домой, он услышал от одноклассниц, что Айсулу выходит замуж за молодого и перспективного дипломата.

Айсулу сама пришла к нему, и Сакен опешил, когда увидел ее во дворе своего дома. Девушка по-дружески обняла и расцеловала его. Рассказала ему о своей предстоящей свадьбе, об учебе в Праге и даже пригласила на свадьбу. Сакен не мог уснуть в ту ночь. В полночь он оделся, взял припасенную в сарае бутылку водки и пошел к реке топиться. Там он с отвращением выпил из горла полбутылки и волком завыл на полную луну. Когда алкоголь окончательно затуманил голову, парень вспомнил про ведьму.

* * *

К обеду они приехали к скале Сорока Ангелов. По словам Беркута, здесь их ожидало испытание — проход по тоннелю между скал. Считается, что скалы не пропускают грешников, зажимая с двух сторон, пока те не раскаются в грехах. Беркут рассказывал, что расстояние между скалами местами уже тридцати сантиметров, но там спокойно проходят люди грузные, а иногда застревают худышки, выходят из тоннеля с синяками.

— Почему все в белом? — спросила Зауре.

— Здесь секта псевдоцелителей поселилась. Видишь — палатка, они там больных принимают, — ответил Беркут.

— Типа шаманы?

— Если бы они были настоящими шаманами. Но эти же только на чужом горе наживаются.

— Секта. Заправляет ими ушлая тетка, мне рассказывали про нее, — сказала Майя. — Заманивает простодушных людей байками о раскрытии дара, при помощи которого можно лечить болезни. Потом психологи мозги промывают, так что люди квартиры продают, бросают семьи и относят ей все, что имеют. Сами живут в палатках в так называемых местах силы, псевдолечением занимаются и тетке той служат, — продолжила Майя.

— Жесть, — поразилась Алия.

— Так это мы к ним в секту чуть не попали? — спросила Зауре.

Действительно, сначала подруги собирались ехать в Туркестан в комфортабельном двухэтажном автобусе от известного турагентства. Но вскоре выяснилось, что в автобусе не хватает мест. Тогда они очень расстроились, но вскоре успокоились, когда Майя выяснила, что в том автобусе выехали сектанты в белых одеждах.

Подруги совершили омовение у подножия горы и пошли по тропинке вверх. Прошли двое условных ворот и оказались на пригорке с живописным видом на окрест-

ности. К испещренным трещинами и выступами скале тянулась цепочка паломников. Они пристроились в самый конец очереди. Смотритель у входа сначала пропустил мужчин. Потом пошли женщины. Когда Зауре подошла к расщелине, смотритель велел ей положить руку на выступ скалы и попросить благословения у духа горы. Девушка последовала инструкции, прошептала про себя несколько сур. Смотритель объяснил, что женщинам надо прижиматься к левой скале, а мужчинам — к правой.

Осторожно ступая, Зауре начала протискиваться между скал, местами в очень узкие проемы. В какой-то момент ей захотелось остановиться и посмотреть вверх. Она подняла голову и увидела полоску ярко-голубого, почти бирюзового неба, просвет на глазах менялся в размерах. Когда полоса расширялась, девушка забывала про скалы, ей казалось, что она в цветущей степи. Когда пространство сжималось, Зауре оказывалась в душном офисе. Скалы словно флиртовали между собой, сближаясь и отдаляясь друг от друга. Потом Зауре увидела тень знакомого беркута на скале. Тут девушка вспомнила, что надо держаться левой стороны, прижалась к скале и утонула в объятиях мамы, как в детстве, и заплакала. Перед глазами промелькнули ее похороны, бледное лицо папы. А когда снова посмотрела наверх, увидела промелькнувшего в небе беркута и улыбающиеся лица родителей. Сердце забило быстрее, она будто вернулась в детство, и стремительно пошла вперед. Через некоторое время оглянулась назад. В отдалении показалась блондинка среднего возраста, в светлых брюках и красной льняной рубашке. Она шла с полужакрытыми глазами и что-то шептала. Зауре остановилась и прислушалась.

— Йегова бог великий, иже еси на небеси...— тихо произносила женщина.

Девушка двинулась дальше, но что-то заставило ее снова остановиться и дожидаться, когда женщина подойдет ближе.

— Впереди очень узкий участок, — сказала Зауре.

— Вы боитесь? — спросила женщина.

— Не знаю, не задумывалась об этом, — ответила Зауре.

— Тогда вперед, у вас все получится! Меня зовут Ева, — представилась блондинка.

— Я Зауре, — улыбнулась девушка, ступила в узкий проход между скал и тут же застряла.

Зауре пыталась вырваться из каменных объятий, отталкиваясь руками и ногами от скал, словно раздвигая их, коленки больно ударялись о выступы.

— Девушка, вы уже преодолели самые сложные участки, постарайтесь успокоиться, — услышала она и почувствовала раздражение.

— Вы просто проскальзывали их, я же видела, вам надо успокоиться, просто успокоиться, — продолжала Ева.

Зауре все больше раздражал поучительный тон Евы: «Зачем я с ней заговорила?» — думала она. Девушка сделала еще одну безрезультатную попытку протиснуться между скал.

— Вам надо помолиться, вы знаете хоть одну молитву? — спросила Ева.

— Вот сейчас помолчите, пожалуйста, — ответила резко Зауре.

Блондинка замолчала. Зауре посмотрела на нее и увидела за ней еще одну женщину. «Вот теперь я всех задерживаю!» — начала паниковать девушка. Потом вспомнила о том, что говорил Беркут: надо раскаяться в грехах, иначе скалы не пропустят. Ее с детства называли гордячкой, значит, гордыня. Она посмотрела наверх: «Мама, папа, простите меня за гордыню», — прошептала она, и глаза наполнились слезами. Зауре опомнилась, когда впереди показался выход из тоннеля. Она держалась за руку с Евой, за ними шла еще одна женщина.

— Что это было? — сказала Зауре, отнимая руку, — Получается, я прошла сложные места, а недалеко от выхода застряла?

— Я тоже застревала пару раз в самом начале и удивлялась тому, как вы быстро продвигаетесь, — сказала Ева, — Потом успокоилась, начала молиться и просить прощения. У всех есть грехи, только не все могут их признать, — тараторила женщина, и Зауре снова пожалела о том, что заговорила с ней.

— Если не обидитесь, дам вам совет, я же старше вас, — продолжила Ева.

— Конечно, — натянуто улыбнулась Зауре.

— Научитесь просить помощи, иногда люди добрее, чем кажутся, вот возьмите, — сказала женщина и протянула яркую брошюру.

— Спасибо, — ответила девушка и быстро пошла к выходу.

Там ее встретила Майя, заметив припухшие от слез глаза, молча обняла. Вскоре к ним присоединилась и Алия.

— Дождемся Сакена и спустимся к источнику, — сказал Беркут, когда собралась вся группа.

— Что это? — спросила Майя указывая на брошюру, когда они расположились на траве в тени скалы.

— Не знаю, это тетка дала мне в тоннеле, — ответила Зауре, разглядывая глянцевый журнал.

— Офигеть! Иеговы уже в караванах вербуют, — сказала Майя, но тут раздались крики из скалы, и все помчались к тоннелю.

Сначала слышались крики Сакена о помощи, потом вой, похожий на волчий. Они устремились в проход, чтобы помочь парню. Но зритель попросил их отойти и не паниковать.

— Здесь еще и не такое бывало. Как его зовут? — спросил он.

— Сакен, — ответили они в несколько голосов.

Мужчина сел у расщелины и начал просить духа горы освободить Сакена. Рядом присел Мурат, молчаливый мужчина из автобуса, и стал вполголоса призывать на помощь Аллаха. Через некоторое время из расщелины показался совершенно седой Сакен. Зритель вместе с Беркутом, придерживая с двух сторон, помогли парню пройти в тень, где он сразу же повалился на траву. Алия смочила платок водой из бутылки и положила ему на лоб. Майя растерла цветки полыни в ладонях и осторожно смазала покраснения на его руках.

— Шайтан в него вселился, он умрет, если не показать нашему целителю! Несите, несите его скорее! — закричала женщина в белом, приблизившись к ним.

— Идите с миром, уважаемая, сами справимся, — резко бросил ей Беркут.

— Ну смотри, умрет прямо здесь, ты будешь за него отвечать. Первую помощь не оказал, вовек свой грех не отмолишь! Семь поколений из-за тебя горя хлебнут! — сыпала проклятиями женщина, не отходя от них.

Тут Сакен открыл глаза, увидел женщину и закричал:

— Тьфу на тебя, ведьма! Сгинь! Сгинь! Сгинь!

Женщина попятилась назад и, зло бормоча проклятия, удалилась.

— Как ты, брат? Ты видишь меня?

— Беркут-ага, виноват я. Виноват! — зарыдал Сакен. — Но я раскаялся! Мурат-ага, приворот — это страшный грех?

— Аллах милостив! — сказал Мурат.

— Мне надо домой. До свидания! — сказал Сакен, вставая, но покачнулся и снова упал на траву.

Мурат и Беркут сидели рядом, пока парень не пришел в себя, потом отвели на автобусную остановку.

ДОМАЛАҚ АНА

Азиза прилетела в Шымкент ранним утром. Предстояла пятичасовая поездка на машине до уранового месторождения, где она должна провести аудит. Поездка откладывалась из-за поломки машины. Женщине предложили заселиться в гостиницу и перенести поездку на завтрашнее утро. Но она не захотела терять день и решила ехать на такси. Азиза села в довольно приличный «мерседес» с кондиционером. Расположившись на удобном сиденье, Азиза вскоре успокоилась и уснула.

— Девушка, проснитесь! Что-то с машиной, мне надо выключить мотор и проверить двигатель... — разбудил ее водитель.

— Опять! Ну что же это такое! — недовольно буркнула Азиза и вышла из машины.

Еще полдень не наступил, а температура близилась к сорока градусам. Они стояли на трассе недалеко от остановки, где толпились люди. «Может, дальше на автобусе поехать?» — подумала Азиза.

— Скажите, тут автобусы ходят до месторождения? — спросила она водителя.

— Да, только пару километров пешком надо будет пройти от трассы, — ответил он.

— Почему здесь столько народу?

— Паломники. Здесь мавзоль Домалақ Ана поблизости, знаете?

— Да, — кивнула она и вспомнила Галию.

Они были очень близки и внешне похожи, иногда их даже принимали за близняшек, хотя Галия на два года младше. Азиза первое время очень скучала по сестренке, когда та вышла замуж и уехала далеко на юг страны. На свадьбе Галии сваты им все уши прожужжали про мавзоль Домалақ Ана, рядом с их аулом. Азиза вспомнила, что давно не виделась с сестрой.

До следующего автобуса целых два часа, а водитель надеялся найти поломку и починить машину. Сначала Азиза сидела на остановке под навесом, а потом решила прогуляться вслед за паломниками.

Она спустилась к ручью вслед за разношерстной толпой. Там стоял домик с комнатами для омовения, душевые и туалеты. Азиза купила в ларьке полотенце и с удовольствием приняла освежающий душ. Потом прошла к источнику и напилась родниковой воды.

Возле ручья сидели три молодые женщины и подросток.

— Привет! Меня зовут Майя, — сказала одна из женщин.

— Азиза, — представилась Азиза, по привычке протягивая руку.

Майя ответила рукопожатием и спросила:

— Впервые здесь?

— Ага, — кивнула Азиза.

— Мы тоже. Пойдем с нами?

— Нет... — хотела сначала отмахнуться Азиза, но, вспомнив рассказы сватов, решила все же зайти в мавзоль.

Они вошли в здание. Женщина у входа протянула Азизе платок и жестом велела прикрыть голову. В полукруглом прохладном помещении с высоким потолком у стен сидели люди. Несколько человек совершали в глубине комнаты намаз.

Азиза вместе с Майей прошла к дальней стене.

— Что надо делать? — спросила Азиза.

— Тихо, не шуми! Закрой глаза и задай вопрос или попроси о помощи у святой матери, — шепотом ответила ей сидящая неподалеку женщина.

«Что я здесь делаю?» — подумала Азиза, закрывая глаза.

Раздался мелодичный призыв муэдзина на молитву, и Азиза ощутила, как проваливается в сон. Перед глазами, как в черно-белом кино, замелькали кадры. Женщина усилием воли открыла глаза. Ее тошнило, Азиза встала, чтобы выйти, сделала несколько шагов и покачнулась, кто-то подхватил ее под руки и вывел через боковую дверь. Потом она увидела себя со стороны. Как будто сидит в комнате с белыми кафельными стенами и держит в руках малыша. «До чего же он красивый! Назову-ка я его Ахмедом», — думает она. «Смотри, семимесячный родился, а какой большой и здоровый!» — сказал кто-то рядом, но девушка никого не видела. Тут ей показалось, что ребенок в опасности, она крепко прижала малыша к груди, но вдруг перестала его ощущать, мальчик начал превращаться в тряпку, пористую и бурую, сквозь которую медленно проступали красные пятна. Потом полностью пропитанная кровью ткань начала набухать и пузыриться. Азиза с отвращением бросила ее на пол. Сильно ударившись об пол, истошно закричал ребенок и тут же замолчал. «Что я наделала? Нет!» — закричала женщина. Наклонилась, чтобы поднять, а он стал рассыпаться на части... «Нет!»

Азиза очнулась и не сразу поняла, где находится. Она лежала на тахте в маленькой комнате с высокими потолками и узким удлиненным окном. Женщина медленно встала, толкнула дверь. Вышла в огромный круглый зал и вспомнила, как пришла сюда. Майя, сидевшая неподалеку, тут же поспешила к ней:

— У тебя все в порядке? Голова не кружится?

— Нет. Спасибо! Все хорошо, — улыбнулась она.

Азиза вышла из мавзолея и бросилась к машине. Она вдруг поняла, что надо ехать к Галие, и как можно скорее. Водитель уже сидел за рулем.

— Все в порядке, можем ехать! — сказал он радостно.

— Заедем в соседний аул, — ответила женщина.

Водитель кивнул и завел мотор.

Азиза быстро нашла дом Галии, вот только на двери висел замок. Она побежала к соседям. Соседка рассказала, что сестру увезли этой ночью в машине «скорой помощи» в больницу, кажется, преждевременные роды. А муж с двумя сыновьями с утра уехали к ней.

— Где больница? — закричала Азиза.

— Вы ее сестра? Очень похожи. А больница в Туркестане.

Во дворе больницы сидел муж Галии с двумя мальчиками и плакал. Увидев Азизу, он вскрикнул: «Слава Всевышнему!»

Галия находилась в реанимации, ее только что прооперировали. Семимесячного мальчика удалось спасти, а роженица потеряла много крови и находилась в тяжелом состоянии. По всему городу искали донорскую кровь, заказ, отправленный в областной центр, мог прийти только к вечеру.

Позже, лежа рядом с Галией в бело-кафельной палате, Азиза вспоминала свой странный сон. Несмотря на срок, малыш родился крупным и здоровым. Галия попросила сестру дать племяннику имя. Азиза назвала его Ахмедом.

КОЛОДЕЦ

— Боже, прости меня! Предала я своего мужа, чтобы брата спасти! Прости меня, Всевышний! — причитала маленькая опрятная старушка, когда они приближались к колодезю.

— Колодец не дал ей воды, вот она и кается, — объяснил Беркут. — Подождем здесь.

Они остановились на пригорке под навесом. Этот колодец и так внушал страх, а тут еще эта бабушка, божий одуванчик, со своим душераздирающим откровением. «Как бы

я поступила, не приведи боже, если бы пришлось выбирать между мужем и братом?» — подумала Зауре и спросила:

— Мурат, это ведь жестокий выбор: брат или муж?

— Каждый шаг — выбор, — ответил Мурат.

— Эта бабушка каждый год сюда приезжает уже лет пять, ее историю все местные знают, — сказал Беркут.

Увидев любопытство в глазах попутчиков, водитель пообещал рассказать про Тоғжан-аже позже, за обедом.

Здесь верят, что колодец дает воду только достойным. Нужно забросить в колодец ведро на веревке, а когда оно опустится на дно, вытянуть его обратно. Беркут рассказывал, что геологи не нашли на дне колодца ни ручья, ни других источников воды, мистика...

* * *

Тоғжан слыла не по годам мудрой и привлекательной девушкой, по всей округе ходила молва об ее красоте и находчивости. И засватал ее достойный джигит — Жомарт, старший сын волостного султана. Девушке исполнилось четырнадцать, когда начались лихие времена. Как-то пасмурным утром увезли родителей. Отец успел наказать дочери беречь младшего брата, единственного продолжателя рода, и сунуть ей в руку родовой амулет с именами прадедов. А потом пришли люди в шинелях, вынесли из юрты весь скарб и угнали скот. В один день Тоғжан и ее младший брат Сабит оказались бездомными бродягами. Табунщик отца забрал их в свою залатанную юрту и велел сидеть тихо. А через два дня отправил детей с малым караваном в Кокшетау, к их родной тете.

Тетя Айман приняла детей и любила как своих собственных. Только Аяну, ее мужу, человеку прижимистому и грубоватому, не нравились изнеженные лица племянников. Тоғжан его не очень беспокоила. Симпатичную девушку, хоть и бесприданницу, можно было удачно выдать замуж и даже калым за нее получить. А вот Сабит, читавший все книги подряд, раздражал. И эта его привычка — смотреть прямо в глаза...

— Эй, щенок, хватит бездельничать, работы на скотном дворе полно! — кричал он, как только видел его сидящим без дела.

За каждое неловкое движение и провинность Сабит получал по спине камчой, но никогда не жаловался и пощады не просил, чем еще больше раздражал Аяна. Тоғжан плакала по ночам и просила Всевышнего избавить их от гнева жестокого дяди.

Видно, услышал Всевышний ее молитвы, и вскоре посватался к Тоғжан достойный человек. Образованный и влиятельный Ильяс, женившись на девушке, забрал их с братом в город. Только Тоғжан вздохнула свободно, как новая беда постучалась в дом. Сабит познакомился в городе с какими-то людьми, стал приносить домой бумаги и прятать их среди книг.

Однажды поздно вечером, когда Тоғжан с мужем легли спать, раздался стук в дверь.

— Сабит, наверное, вот егоза, не сидится ему дома! — женщина накинула шаль и пошла открывать дверь.

Люди в военной форме ворвались в дом, стали обыскивать полки с книгами, не обращая внимания на протесты Ильяса. Вскоре они нашли какие-то брошюры и обратились к Тоғжан:

— Кто принес в дом эти бумаги?

Тоғжан, испугавшись за своего брата, опустила голову и прошептала:

— Это бумаги моего мужа.

- Милая, ты что? — удивился Ильяс, а офицер уточнил:
- Вы подтверждаете, что эти бумаги принадлежат Валиханову Ильясу?
- Да, — едва заметно кивнула женщина.

Она все же подняла на секунду глаза и посмотрела на мужа, когда его уводили из дома. В его взгляде не было укора, только удивление и покорность. Тоғжан часто снятся его глаза, глаза ее любимого и единственного мужа.

Сколько воды с тех пор утекло, а она все ходит по этой земле как проклятая, и даже болезнь никакая не берет. Сабита уже похоронили, а его дети, внуки и уже правнуки заботятся о ней. Все, что просит у Всевышнего старуха Тоғжан, — забрать ее на тот свет. Только боится встречи с Ильясом, больше, чем Божьей кары.

* * *

Послышались всплеск воды и громкий возглас:

- Слава Всевышнему! Теперь можно на тот свет.

Путники дождались, когда бабушка со своей многочисленной свитой спустится вниз, и молча пошли в сторону колодца.

— Кстати, вы знаете, что к две тысячи тридцатому году в Казахстане начнется дефицит воды? — сказала Майя. — Я в новостях читала.

- И наступит трындец, — сказал Мади.
- Не трындец, а апокалипсис, — поправила его Алия.

У колодца старик смотритель рассадил группу под навесом, затем велел приготовить ведра и объяснил, как правильно забросить его в колодец.

- Вытянуть ведро я помогу, ваше дело забросить, — сказал он.

Внешность и поведение старика показались Зауре знакомыми.

— Су иесі — хозяин воды из сказки, — спонтанно воскликнула девушка, — который живет на дне колодца, под большим камнем.

- Правильно, проходи первой, — сказал с улыбкой старик.

«Отлично», — подумала Зауре, она не любила ждать, поэтому старалась проходить испытания как можно раньше, экзамены в школе и в институте тоже сдавала в первой группе.

Девушка быстро привязала к цинковому ведру веревку и, прежде чем забросить, посмотрела на старика, словно ожидая команды. Тот кивнул, и Зауре опустила емкость в узкий зазор колодца. Послышался стук ведра о камни, через некоторое время веревка натянулась. Смотритель подошел к колодцу и начал вытягивать емкость, Зауре замерла в ожидании. В какой-то момент старик посмотрел на девушку и, придерживая веревку, спросил:

- Как тебя зовут?
- Зауре, — ответила с дрожью в голосе девушка.
- Молодец, Зауре, — сказал он и вытащил полное ведро воды.

Колодец оказался благосклонным ко всей группе. В ведро к Мади попал камушек.

— Быть тебе божьим человеком! — сказал восхищенно смотритель колодца. — Прославишься истинной верой.

Мади от переизбытка чувств положил камушек в карман, напился из ведра и вылил на себя оставшуюся воду.

— Когда наступит ааа-коо-палипсис, я сюда перееду жить. Здесь много воды, — сказал он, и все рассмеялись.

Спустившись с пригорка, женщины дружно последовали примеру Мади: облились с головы до ног и с легким сердцем продолжили свой путь. Жара стояла около пятидесяти градусов.

Перед сном подруги долго обсуждали старушку у колодца. И пришли к выводу, что Всевышний, возможно, и простил ее, только ей никак не удавалось принять это прощение. Колодец помог ей.

АЙША-БИБИ

К вечеру путники добрались до мавзолея Айши-биби. Где бы они ни появлялись во время поездки, Беркут везде находил знакомых, вел себя легко и непринужденно. Он говорил, что не раз здесь бывал и даже несколько лет работал смотрителем при мавзолее Айши-биби.

— В прошлой жизни я был горьким пропойцей, и мои родственники отказались от меня, за что я их нисколько не виню. Потом, по воле случая, я оказался здесь и стал другим человеком, — рассказывал он своим пассажирам.

Только через год подруги узнали, что благодаря присутствию Беркута их так радушно принимали на каждом привале, давали лучшие места для отдыха и приглашали за дастархан.

В этот раз Беркута с группой пригласил на ужин смотритель мавзолея, на топчан у своего дома. Как всегда, почетные места, вкусные лакомства за столом.

— Здравствуйте, люди добрые! — к столу подошла женщина в длинном платье и с походной палкой в руке. По ее лицу невозможно было определить возраст, но осанка и взгляд говорили о благородном происхождении. Мужчины невольно встали при ее приближении. Вместе с женщиной пришла девочка лет пяти, со свалывшимися волосами, грязная, босая, с острыми, как иголки, и черными, как угольки, глазами.

— Фарида-апай, доброй ночи! Проходите! Добро пожаловать! — засуетилась хозяйка дома.

— Спасибо, доченька, спасибо! Я кушать на ночь не буду, только хлеба отщипну, чтобы не пренебрегать вашим гостеприимством. А вот девочку надо бы искупать, накормить и спать уложить. Сделайте доброе дело. А я хочу остаться наедине, не обессудьте.

— Она ходит пешком по святым местам, подбирает бездомных, — рассказывала позже Хадиша, хозяйка дома.

— Я читал про дервишей в книжке про Ходжу Насреддина. А как же бабушка ходит одна по степи, ей не страшно? — удивился Мади.

— Она что, и зимой так ходит? — спросила Майя.

— Этого никто не знает. Она неохотно общается. Только прошлым летом паломники видели ее в Мангыстау, в подземной мечети Бекет-ата, говорят, она туда пешком добралась, через пустыню, — ответила Хадиша.

— Она же гражданин мира. У нее даже паспорт особый есть. Фарида-апай не только по нашей степи путешествует, но и по всему миру. Говорят, даже с далай-ламой знакома. Еще она владеет не только десятью человеческими языками, но и понимает птиц и животных, — сказал, хитро улыбаясь, Беркут.

Сидящие за столом смотрели на него с недоверием, кто-то рассмеялся.

Через некоторое время Фарида-апай появилась на площадке, где паломники совершают намаз.

— Девочки, пойдемте со мной, — обратилась она к трем подругам.

— А мы... я... не умею, — сказала смущенно Майя.

— Ничего, повторяйте за мной движения — с любовью к Всевышнему, с чистым сердцем.

Подруги неуверенно подошли и расположились за ее спиной.

— Эй, бессовестные, что вы делаете! Нельзя в брюках совершать намаз! — закричала женщина с головы до пят в белом.

— Они с добрым намерением, пусть учатся! — резко оборвала ее Фарида-апай. Женщина замолчала и отвернулась.

Сначала Зауре просто повторяла движения Фарида-апай, но в какой-то момент она словно подключилась к источнику, заученные суры начали выстраиваться в определенной последовательности и управлять телом. Зауре словно знала и умела совершать молитву, все казалось естественным. После намаза Зауре хотела задать Фарида-апай вопрос, но не успела и рта раскрыть.

— Слушай сердце, оно правильно подсказывает, — сказала женщина.

Потом Фарида-апай повернулась к Майе:

— Все решится гораздо раньше, в Яссы, — сказала она и закрыла глаза.

Хадиша жестами показала молодым женщинам, чтобы оставили Фарида-апай в покое.

— Обычно она ни с кем не разговаривает, — заметила хозяйка дома.

* * *

Хадиша нагрела воду на газовой плите, налила ее в большое корыто, разбавила до комнатной температуры и улыбнулась девочке, которая, как дикий зверек, притаилась в углу и грызла яблоко.

— Иди ко мне, моя хорошая, я тебя искупаю. Смотри, какая пенка воздушная.

Девочка несмело подошла к корыту и с удивлением посмотрела на радужные пузырьки над водой. Хадиша осторожно сняла с девочки рваное грязное платье и указала на воду:

— Давай, милая, искупаемся. А завтра сходишь к Айше-биби и попросишь у нее, чтобы нашлась твоя мама.

— Не хочу маму, хочу папу, он добрый, — обиженно ответила девочка, осторожно ступая в корыто.

— Конечно, папа сам тебя найдет. Айша-биби, она все видит. Ты ведь еще ангел, тебе она точно поможет. Посиди, а я сейчас приду.

Девочке понравилось в корыте, теплая вода приятно обволакивала тело, а пузырьки щекотали нос, и она рассмеялась от удовольствия. Хадиша принесла чистое полотенце, платье и белье своей младшей дочери.

— Как тебя зовут, милая?

— Зере. Так меня папа назвал. Он добрый, — с гордостью сообщила она.

— А как твой папа выглядит?

— Он большой и с усами.

— Он тебя обязательно найдет, только попроси у Айши-биби.

— Как она поможет, она же умерла.

— Она поможет, — улыбнулась Хадиша, намыливая девочку.

* * *

Хаким женился по местным меркам поздно — в двадцать пять. Не хотел быть обузой дяде, который воспитывал его как родного сына. Парень мечтал построить свой дом, отделиться и потом уже устроить свою судьбу. Про мать Хакима родственники предпочитали молчать, но соседи говорили, что она хотела забрать сына после смерти мужа. Но дядя не позволил:

— Мальчик останется в своем доме, а ты устраивай свою судьбу. У тебя еще будут дети, а Хаким должен продолжить род своего отца.

С помощью родственников Хаким построил небольшой, но добротный дом. И с женой ему повезло. Миловидная, скромная Сандугаш сделала из двух маленьких комнат и прихожей, уютное гнездышко, в котором не переводились гости. Единственное, что омрачало счастье, — отсутствие детей. А с тех пор, как выяснилось, что детей не будет по его вине, Хаким не раз хотел бросить Сандугаш и уйти куда глаза глядят. «Пусть она найдет себе другого мужа и будет счастлива», — думал он бессонными ночами. А когда утром смотрел в глаза жены, ему становилось стыдно за свое малодушие. «За что она полюбила меня?» — удивлялся он. Однажды Сандугаш несмело предложила взять ребеночка из детского дома:

— А что, возьмем мальчика или девочку. Если мальчик, будет тебе помощником, а мне утешением. А если девочка, так еще лучше...

— Нет! — резко ответил он и вышел из дома.

Сандугаш больше о ребенке и не заикалась.

«Почему я так завелся? — думал Хаким. — Сам ведь сирота. Жил в семье дяди и всегда надеялся, что вернется мать и заберет меня. Неужели я мщу за свою судьбу? Кому?»

Когда жена предложила ему съездить к мавзолею Айши-биби, он неожиданно быстро согласился. А перед поездкой стал сомневаться. «Зачем душу рвать, сказали же врачи, что у меня не может быть детей?!» В ночь перед поездкой ему приснилась девочка, будто сидит у него на коленях и говорит: «Папа, папочка, я знала, что найду тебя!» Хаким проснулся в приподнятом настроении и долгий путь до мавзолея преодолел легко и быстро. Прибыли на место паломничества затемно, умылись и, не ужиная, устроились на ночлег.

У Айши-биби девушки просят благословения на счастливый брак, а замужние женщины — на материнство. Она покровительствует влюбленным и бездетным. Так повелось, что люди возвращаются к святой с хорошими новостями, поблагодарить ее дух. Здесь всегда много супружеских пар и женщин с детьми.

* * *

Хаким не смог уснуть, тихо поднялся и вышел на улицу. Подошел к мазару, присел на скамейку и закурил. Услышав шепот, осторожно подошел и заглянул внутрь. Там, на полу у надгробия, лежала маленькая девочка и что-то бормотала. Он выбросил сигарету, подошел поближе и прислушался:

— Милая, дорогая Айша-биби, помоги мне найти папу. Тетя Хадиша сказала, что ты сможешь. Ты не думай, он не бросил меня, как сказали соседи, он просто потерял меня или сам потерялся. Он большой и с усами, я его сразу узнаю, — шептала девочка.

Хаким дернул за ручку, дверь не поддавалась, он понял, что девочка пролезла через решетку. Зере услышала звук, подняла голову, посмотрела на Хакима с удивлением и воскликнула:

— Папа, я нашла тебя! Спасибо, дорогая Айша-биби!

Она пролезла между прутьями решетки и бросилась в объятия Хакима. Он наклонился, поднял и прижал к себе маленькое дрожащее тельце, а грудь его затряслась от рыданий.

— Не плачь, папочка, я ведь нашла тебя. Прости, что не дождалась дома! Но тогда бы меня забрали в детский дом, и мы не нашли бы друг друга. Ты у меня такой красивый! — радостно щебетала Зере и нежно гладила своими маленькими ручками черные жесткие усы Хакима.

УЧИТЕЛЬ

По дороге к мавзолею Арыстан-баба путешественники остановились на обед в придорожной чайхане. Заказали чаю, плова, овощей и лепешек. Пока дожидались заказа, за соседним столом расположилась группа мужчин, по виду водители-дальнобойщики. Мужчины с любопытством рассматривали компанию и прислушивались к их разговору. Видимо, женщины были редкими посетителями таких мест. Майя со свойственной ей эмоциональностью рассказывала о своей недавней поездке на Каннский фестиваль. Фирма, в которой она работала, выступала там спонсором.

— И вот я поднимаюсь по красной дорожке. Адреналин зашкаливает! Каблуки двенадцать сантиметров. Идти неудобно, а надо еще осанку держать... Короче, сложная у знаменитостей жизнь — всегда на виду... А дворец фестивалей — не фонтан, выглядит как простой кинотеатр, типа нашего «Армана».

— Слава и богатство — тяжелое испытание, — заметил Мурат.

— Какое же это испытание? Ездить на «феррари», сниматься в фильмах! Все узнают, восхищаются, — сказал Мади.

— Ага! Ты сначала школу закончи хотя бы на тройки. А там посмотрим на твои таланты, — сказала Алия.

— Вы куда направляетесь? — спросил мужчина, сидевший за соседним столом.

— В Туркестан, — ответила Алия.

— Тоже мне паломники! Мусульмане новоявленные! Почему тогда женщины без платков, с открытыми плечами? А эта крашенная еще и по-русски разговаривает, — указал он на Майю.

— Что ему надо? Он что, пьяный? — возмущенно заметила Майя.

— Кто вам сказал, что мусульмане не должны говорить по-русски? — возразил ему Мурат, перетягивая внимание на себя.

— А ты кто такой? Надел тюбетейку, думаешь, святым стал? — мужчина встал из-за стола и решительным шагом направился в сторону Мурата.

— Он — мулла целой мечети в пригороде Алматы, — у входа в кафе появился улыбающийся Беркут.

— Эй, Беркут, с... сын, ты здесь откуда? — от мужчины разило водкой.

Он резко поменял направление в сторону Беркута. Они вышли наружу, после этого мужчина больше не возвращался.

— Майя, ты с пьяными лучше не спорь. Они повода ищут, чтобы поскандалить, — посоветовал ей Беркут во время обеда.

— Да я и подраться могу, не зря же на карате семь лет ходила.

— Какой бы ловкой ты ни была, мужчина сильнее. Лучше пользуйся женским оружием, — подмигнул он ей.

В тот вечер они не смогли засветло добраться до мавзолея Арыстан-баба. По дороге перегрелся двигатель микроавтобуса, и им пришлось несколько часов провести в степи.

* * *

Как разъянил Беркут, прежде чем посетить мавзолей Ходжи Ахмеда, паломники едут в мавзолей его учителя Арыстан-баба и совершают там жертвоприношение.

Путники прибыли туда среди ночи. Купили вскладчину барана и передали на жертвоприношение. Для ночевки Беркут нашел деревянный топчан с войлочным покрытием.

тием. В этой местности водятся ядовитые змеи и скорпионы, но их отпугивает запах войлока с конским волосом, которым казахи испокон веков покрывают полы и стены юрты.

— Мурат, а как вы решили стать муллою? — спросила Майя, когда они расположились на топчане.

— Никогда не решал и не думал. Так получилось. В детстве был непослушным, а в старших классах вообще настоящим хулиганом стал, хотя учился неплохо. Не везло как-то, вечно вступал в неприятные истории.

— Вы дрались, матерились, ну и все такое, как все нормальные пацаны? — оживился Мади.

— Да, было такое.

Мади впервые посмотрел на Мурата с интересом.

— И что так круто изменило вашу жизнь? — спросила Алия.

— Пришел из армии, когда страна стала другой.

— В криминал не звали? — спросил Мади.

— Звали, ума хватило не связаться с ними. Слава Аллаху! А однажды утром ноги сами привели в мечеть. А там встретился хороший человек. На все воля Аллаха! — сказал Мурат.

Зауре заметила: когда бы они ни засыпали, Мурат совершал молитву. По утрам тоже заставляли его за молитвой. Казалось, он вовсе не спал, но всегда выглядел бодрым.

Мурат говорил мало, словно взвешивал каждое слово, прежде чем сказать. Он отличался от всех имамов, которых Зауре приходилось встречать. Обычно священнослужители не к месту и с видом глубоких мудрецов вещают о банальных вещах, похороны — их излюбленное место для морализаторства.

Любуясь яркой луной и звездами, Зауре незаметно уснула. Во сне она видела огромную мечеть без крыши, посреди которой сидел мужчина и нараспев читал суры из Корана.

Утром подруги проснулись с первыми лучами солнца. Мурат совершал намаз, Мади сидел рядом с ним. Он впервые прикрыл свой красный ирокез белой тюбетейкой, купленной для поездки еще в Алматы.

Алия жестами позвала сына.

— Не мешай Мурату!

— Мама, ты знаешь, мне приснился дедушка в белой одежде и сказал, чтобы я совершал намаз. Я проснулся и пошел искать дядю Мурата, нашел его сидящим в мавзолее и попросил научить. Он написал мне суры, выучу их и начну молиться, — Мади держал в руках листок, исписанный аккуратным почерком с наклоном влево. Глаза парня горели неподдельным интересом. Он уткнулся в лист бумаги и забормотал что-то себе под нос. Подруги удивленно переглянулись.

Переходный возраст начался у Мади сразу и ошеломляюще, особенно для родителей и бабушки, в тот день, когда ему исполнилось тринадцать. На вечеринке в честь дня рождения он заявил, что не будет больше ходить на шахматы и английский, а будет играть в футбол, сколько захочет, и если кто-то возражает, то ему все равно. Он не только перестал посещать шахматный клуб и репетитора английского языка, но стал прогуливать уроки, драться и дерзить всем подряд. Целый год он будоражил школу то поведением, то внешним видом. Этим летом Мади отрастил на макушке хохолок, покрасил его в красный цвет и тщательно укладывал каждое утро. Вот тогда бабушка и посоветовала Алие свозить его в Туркестан.

Подруги умылись, позавтракали и уже направлялись в сторону мавзолея, когда услышали, как кто-то крикнул на английском языке:

— Does anybody speak English?

Это был высокий, худощавый мужчина с профессиональным фотоаппаратом в руках и небольшим рюкзаком за плечами.

— Доброе утро! Вам нужна помощь? — откликнулась на английском Майя.

Мужчина подошел к ним, внимательно оглядел трех женщин и Мади, потом поздоровался:

— Hi!

— Good morning! — сказали хором Алия и Зауре.

— Хай! — сказал Мади.

— Меня зовут Питер. Я журналист. Вообще-то, приехал снимать мавзолей, но не могу понять, что за скотобойня здесь происходит?

— Это жертвоприношения, — объяснила Зауре.

— Что за дикость! Мы же в двадцать первом веке живем...

— Вы из партии защиты животных? — спросила с улыбкой Алия.

Питер возмущенно посмотрел на нее, но замялся и отступил на шаг, заметив, что к ним приближаются Беркут и Мурат.

— Нет... Да, я из США, — сказал он и оскалился в белозубой улыбке.

— Янки, гоу хоум! — выкрикнул Мади и тоже оскалился.

Майя и Зауре прыснули от неожиданности. Алия строго посмотрела на сына и извинилась за него:

— Питер, простите, не обращайтесь внимания, он не понимает, он...

— Тупой, еще тупее, — сказал Мади на английском и скорчил мину под Джима Керри.

Женщины дружно рассмеялись, а потом виновато посмотрели на Питера.

Тот что-то буркнул себе под нос и поспешно удалился.

ЯССЫ

Подъезжая к Туркестану, водитель заметил на обочине, среди высокой травы, пару — беременную женщину и мужчину с большим клетчатым баулом в руках. Женщина держалась за живот, лицо ее выражало страдание. Беркут резко затормозил, так что все подскочили, а автобус, издав оглушающий рев мотора, заскрежетал, выпустил клубы черного дыма и, дернувшись, остановился как вкопанный.

— Брат, жена рожает, надо срочно в роддом! — сбивчиво закричал растерянный мужчина, увидев Беркута.

В автобусе у женщины начались схватки.

— Ничего, примем роды в автобусе, если понадобится, — подбадривал ее Беркут.

Когда подъехали к роддому, у женщины отошли воды. Она разродилась мальчиком по дороге в родильную палату. Услышав радостную весть, счастливый отец настолько растрогался, что решил назвать сына Беркутом.

— Пусть будет таким же жизнерадостным и отзывчивым! — сказал он и пригласил их на обед в ближайшую чайхану.

После обеда Мурат с Беркутом поехали навестить родственников, Мади увязался за ними. Три подружки пошли заселяться в гостиницу. Они решили встретиться на следующее утро перед мавзолеем Ходжи Ахмеда и после обеда отправиться в обратный путь.

* * *

Руслан уже несколько лет служил пилотом в канадской авиакомпании. Сначала парень наслаждался свободой, а потом стал скучать по своей первой и единственной де-

вухе. Вспоминал, как она торопила его с женитьбой, он все не решался. А когда Руслан сделал ей предложение, она отказала, сказала, что не уверена ни в себе, ни в нем. Тогда он рассердился, уехал по контракту в Канаду и перестал общаться.

Неделю назад Руслан прилетел в Шымкент на свадьбу однокурсника по академии авиации. Свадьба растянулась на несколько дней. В один из вечеров Руслан сильно напился и разоткровенничался с Диной, сестрой однокурсника, веселой, открытой девушкой. Он рассказал ей о своей несгорающей любви. Девушка терпеливо выслушала его и посоветовала съездить в Туркестан. На следующий день он хотел спросить, почему надо ехать именно туда, но постеснялся. А когда друзья новых друзей пригласили его в Туркестан на другую свадьбу, он с удовольствием согласился.

Приехав в Туркестан, Руслан посетил главную достопримечательность города — мавзолеем Ходжи Ахмеда. Обошел и посмотрел с гидом все залы. Потом пошел прогуляться по территории.

Руслан ходил по внутреннему двору, когда увидел огороженный колодец с решеткой в земле. Это был вход в подземелье. Каменные ступени спускались в глубь земли. «Здесь, наверное, жил, Ходжа Ахмед перед смертью», — подумал он. Когда парень наклонился, чтобы заглянуть внутрь, с шеи соскользнула цепочка с тумаром — оберегом, подаренным покойной бабушкой еще в детстве, и провалилась в подземелье. Он перепрыгнул через низкую ограду и попытался открыть решетку, но та оказалась запертой. Тут к нему подбежал явно озабоченный его поведением служитель мавзолея. Руслан объяснил, что случилось. Мужчина открыл ключом замок, а потом поднял решетку, и парень спустился вниз. Он нашел свой тумар в маленькой келье, в которой едва можно было поместиться во весь рост. Руслан заметил, что край кожаного тумара слегка раскрылся и из него что-то торчит. Выбравшись на поверхность, вытащил и расправил кусочек ткани, увидел ряд аккуратных строчек, написанных арабской вязью. Руслан попросил священнослужителя прочитать надпись. Оказалось, текст был написан имамом мечети, здесь, при мавзолее, в 1694 году. Несколько сур, имя человека, его родословная и место захоронения в пантеоне. Когда Руслан услышал имя, то сразу понял, что речь идет об его прадеде — батыре со стороны отца, легенды о котором передавались из поколения в поколение, только никто из родственников не знал, что прадед похоронен в Туркестане.

Руслан решил с этой новостью лететь ближайшим рейсом к отцу в Алматы. И еще он твердо решил, что в этот раз обязательно объяснится с Майей. Он сообщил своим новым знакомым, что уезжает, и поехал в гостиницу собирать вещи.

Парень вошел в гостиницу, поспешил к стойке за ключом и... услышал знакомый голос. У стойки стояла Майя со своими подругами. Они явно спорили о чем-то.

— Салют, девчонки! — поздоровался Руслан.

Девушки разом повернулись к нему и замерли.

— Офигеть! — воскликнула Зауре. — Говорила же, гостиница «Яссы».

— «Все случится гораздо раньше», — торжественно добавила Алия, и обе громко рассмеялись, так что все находящиеся в холле обернулись в их сторону.

А смущенная Майя поправляла волосы и, вздрагивая от смеха, словно не веря в происходящее, смотрела в глаза Руслана.

Вечером подруги вышли прогуляться в город. Площадь перед мавзолеем благоухала ароматом тысяч роз, словно открывая невидимые ворота в другой мир. В лучах заката мозаика купола сверкала, переливаясь оттенками синего — от нежно-бирюзового до индиго, будто раскрывая смысл казахского слова «көк». Казалось, мастера и зодчие, объединившие своим творением эпохи и миры, обнажают на закате души, разговаривая на своих языках и наречиях, настраивая на единую волну времени и пространства.

Ходжа Ахмед прославился в степи как поэт и гуманист. Простой народ знал его стихи, полные сострадания и любви. Даже понятие «суфий» толковалось здесь отчасти как поэт. В шестьдесят три, в возрасте пророка Мухаммеда, Ходжа Ахмед спустился под землю и находился там, в келье, до своего ухода в мир иной. Он заточил себя добровольно, словно торопился приоткрыть дверь в бесконечность.

Мавзолей, построенный через несколько столетий после его ухода эмиром Тимуром, возвышается посреди степи как напоминание об эфемерности земного. Несколько столетий он служил пантеоном степной знати, здесь похоронены ханы и батыры, мудрецы и поэты. В Туркестане больше аруаков, чем живых. Сюда стекаются паломники по зову сердца и, сами того не осознавая, совершают условное путешествие в иной мир, в древний город, предваряющий возвращение к себе, в космический круг.

Круг, в котором нет ни начала, ни конца, есть только небо, безграничное пространство и нескончаемый круговорот природы. Каждый в этом кругу знает свою принадлежность, находит свое призвание и действует по наитию. Здесь нет прописных правил и проповедей, все закодировано в знаках, запахах, снах и видениях. Доступ к Богу здесь прямой, подними голову и разговаривай без посредников. Нет первородного греха и чувства вины. Все совершается под небом, а значит, под присмотром Тенгри, и людям здесь нечего скрывать. Вряд ли они сообщат что-то новое. А если и сообщат, то небо перевернется от удивления, как говорят старики...

ЭПИЛОГ-ВОЗВРАЩЕНИЕ

Зауре собиралась выходить из автобуса, когда Алия ткнула ее в бок, указывая в окно. На другой стороне улицы стоял бойфренд Зауре и явно кого-то высматривал.

— Ой, только не это! — воскликнула Зауре, вытаскивая из сумки зеркальце.

— Не переживай, классно выглядишь, — сказала Алия.

Пока Зауре поправляла прическу, подбежала Майя и потянула подругу к обочине:

— Зау пошли, мы тебя подвезем, Руслан за мной приехал, — говорила подруга, увлекая за собой.

— Подожди, там же на дороге... — пыталась вырваться Зауре.

— Пойдем, я тебе что-то скажу...

Уже из автомобиля Зауре увидела рядом с бойфрендом знакомую блондинку в красной рубашке. Парочка мило переговаривалась, женщина держала в руке букет чайных роз.

— Уф, как хорошо! — выдохнула Зауре. — А то я все думала, как ему кольцо вернуть.

— Так ты знала? — спросила удивленно Майя.

— Про что? — пришла очередь удивляться Зауре.

— Он пару недель с ней гуляет, мы не хотели тебя расстраивать, — ответила подруга, — она его начальница, Ева, у них типа служебный роман.

Зауре посмотрела на встревоженное лицо подруги и рассмеялась:

— Это же та тетка, которую я в тоннеле встретила...

— Из секты иегова, так ему и надо, — ответила Майя.

— Да ну его, — сказала Зауре и повернулась к Руслану, — сейчас меня ваша свадьба больше волнует.